

ГЛАВА 1

Едва сэръ Тристрам Шилд морозным зимним вечером прибыл в Левенем-корт, ему сразу сообщили, что его двоюродный дедушка очень слаб и вряд ли протянет еще несколько дней. Ничего не сказав на это, он, после того как дворецкий помог ему снять теплое пальто, лишь поинтересовался ровным, спокойным голосом:

— Мистер Левенем здесь?

— Он во Вдовьем домике, сэръ, — ответил дворецкий, передавая пальто и высокую бобровую шапку лакею. Потом, строгим взглядом отправив слугу, добавил, покашляв: — Его светлость сегодня очень плох, поэтому пока что не принял мистера Левенема.

Он подождал, пока сэръ Тристрам спросит о мадемуазель де Вобан, но тот лишь велел провести его в спальню, чтобы переодеться перед встречей с двоюродным дедушкой.

Дворецкий, которому, как и всем в Корте, была известна причина неожиданного появления сэра Тристрама, поначалу слегка разочаровался, видя подобное безразличие, но потом вспомнил, что сэръ Тристрам, в конце концов, всегда отличался сдержанностью и никогда не показывал того, что думает. Он сам провел его через большую переднюю к дубовой лестнице и поднялся вместе с ним в длинную галерею. Здесь фамильные портреты Левенемов занимали одну стену, а высокие прямоугольные многостворчатые окна на другой стене выходили в сторону бескрайних холмов Даунса на ухоженный парк. Когда тишину, царившую в Левенем-корте, неожиданно нарушило шуршание платья и звук торопливо закрывшейся двери, донесшиеся откуда-то из глубины галереи, дворецкий сразу сообразил, что это мадемуазель де Вобан, особа куда

более любопытная, чем сэр Тристрам, должно быть, дожидаясь в галерее, чтобы взглянуть на нового гостя. Отворив дверь в одну из почивален, дворецкий бросил слегка взволнованный взгляд на Шилда и сказал:

— Пока его светлость не принимал никого, кроме доктора, сэр... один раз, и мадемуазель Эстаси, разумеется.

На загорелом, грубоватом лице сэра Тристрама не отразилось никаких чувств.

— Да? — только и произнес он.

В этот миг дворецкому пришло на ум, что, возможно, сэр Тристрам не знает, для чего его вызвали в Суссекс. Если это действительно так, никто не мог предугадать, как он воспримет ожидавшее его известие. Сэр Тристрам был непростым человеком, в чем его двоюродный дедушка в прошлом не раз имел возможность убедиться, поэтому можно не сомневаться, что без шума не обошлось бы.

Размышления дворецкого прервал голос сэра Тристрама.

— Позовите моего слугу, Порсом, и доложите его светлости, что я прибыл, — сказал он.

С поклоном дворецкий удалился. Сэр Тристрам подошел к окну и стал смотреть на темнеющий за садом лес, который все еще можно было различить в сгущающихся сумерках. Брови его были насуслены, губы сжаты так, что и без того строгое лицо делали еще суровее. Он не повернулся, когда дверь отворилась и в комнату вошел его камердинер в сопровождении двух лакеев: один из них нес чемодан с вещами, а второй — два золоченых канделябра с зажженными свечами, которые он поставил на туалетный столик. Неожиданно ворвавшийся в спальню свет затемнил открывающийся из окна вид. Шилд повернулся и, положив руку на длинную каминную полку, стал смотреть на горящие поленья. Джапп, его камердинер, принялся распаковывать чемодан. На кровать были выложены вечерний сюртук, темно-красные бархатные бриджи и флорентийский камзол. Сэр Тристрам пошевелил сапогом поленья. Джапп укладкой взглянул на хозяина, пытаясь понять причину его плохого настроения.

— Будете пудриться, сэр? — спросил он, выставляя на туалетный столик коробочку с порошком и помаду для волос.

Джапп вздохнул. Он уже узнал о том, что мистер Левенем находится рядом, во Вдовьем домике, и не сомневался, что этот фронт (получивший прозвище Красавчик) захочет наведаться в Корт к своему кузену. Зная, насколько камердинер мистера Левенема искусен в уходе за волосами своего господина, он надеялся увидеть и своего хозяина изящно напомаженным и накрученным к обеду. Впрочем, он промолчал и опустил на колени, чтобы стащить с сэра Тристрама сапоги.

Спустя полчаса Шилд в сопровождении камердинера лорда Левенема направился по галерее к большой комнате и вошел, не став дожидаться, пока о его появлении доложат. Обшитая дубовыми панелями и убранная бордовыми портъерами гостиная согревалась пляшущим в камине огнем и освещалась ни много ни мало пятью десятками свечей в ветвистых подсвечниках. В дальнем конце ее на невысоком возвышении стояла огромная кровать с пологом на четырех столбах. На ней обложенный подушками и накрытый роскошным стеганым парчовым одеялом, в каком-то невообразимом халате и напудренном парике, без которого его мог припомнить разве что его личный камердинер, возлежал старый Сильвестр, девятый барон Левенем.

Сэр Тристрам немного задержался в дверях, ослепленный ярким светом. Когда глаза привыкли к нему и он наконец смог осмотреть великолепие комнаты, мрачный лик его слегка оживился насмешливой полуулыбкой.

— Таким вы представляете свое смертное ложе, сэр? — промолвил он.

Из кровати донесся слабый смех.

— Да, это мой одр, — подтвердил дрожащим голосом Сильвестр.

Сэр Тристрам подошел к возвышению. С кровати, сверкнув большим рубиновым перстнем, к нему протянулась сухая старческая рука. Он взял руку и какое-то время смотрел на пергаментно-белое лицо двоюродного дедушки, на его

крючковатый нос, бескровные губы и запавшие, но удивительно яркие глаза. Сильвестру было восемьдесят, и он умирал, но по-прежнему голову его венчал парик, лицо украшали мушки, а в левой руке он сжимал табакерку с нюхательным табаком и кружевной носовой платок.

Сильвестр ответил на внимательный взгляд внучатого племянника удовлетворенно-неприветливым взором.

— Я знал, что ты приедешь, — произнес он, высвободил руку из крепкой ладони сэра Тристрама и махнул на стоявшее на возвышении рядом с кроватью кресло. — Сядь. — Он открыл табакерку и запустил в нее большой и указательный пальцы. — Когда я тебя последний раз видел? — спросил он, стряхивая крупинки табака и прикладывая к ноздре микроскопическую понюшку.

Сэр Тристрам сел рядом с ярко сияющими свечами на высоком torchère¹. Золотистый свет четко обрисовал его строгий профиль на фоне малинового полога.

— Я думаю, около двух лет назад, — ответил Шилд.

Сильвестр снова тихо засмеялся.

— Дружная у нас семейка, да? — Он закрыл табакерку и вытер пальцы платком. — Второй мой племянничек тоже здесь, — сообщил он отрывистым голосом.

— Да, я слышал.

— Уже видел его?

— Нет.

— Увидишь. А я нет.

— Почему? — поинтересовался Шилд, глядя на двоюродного деда из-под суровых черных бровей.

— Потому что не хочу, — откровенно ответил Сильвестр. — Красавчик Левенем! Меня когда-то называли Красавчиком Левенемом, но, ты думаешь, из-за того, что я щеголял в зеленом сюртуке и желтых панталонах?

— Скорее всего, нет, — вставил Шилд.

¹ Напольный светильник на высокой подставке (фр.). (Здесь и далее примеч. пер.).

— Чертов льстец! — сказал Сильвестр. — Он никогда мне не нравился. И отца его я не любил. Его мать стала меланхоличкой. Из-за них же... Это они все довели ее! Поэтому она и попросила переселиться во Вдовый домик.

— И переселилась, — сухо добавил Шилд.

— Конечно, переселилась! — ворчливо бросил Сильвестр и по-стариковски надолго замолчал, как будто неожиданно позабыл, о чем говорил. Горящее полено, выпавшее из каминна на каменную плиту, заставило его очнуться. Он снова открыл глаза и произнес: — Я говорил, зачем позвал тебя?

Сэр Тристрам встал, подошел к камину и забросил выпавшее полено обратно в огонь. Лишь после этого он заговорил своим спокойным, безучастным голосом:

— Вы написали, что хотите женить меня на своей внучке. Устремленные на него внимательные глаза блеснули.

— Тебе это, похоже, не по нутру, а?

— Не особенно, — признался Шилд, возвращаясь на невысокий помост.

— А между тем это хорошая партия, — заверил его Сильвестр. — Я почти все свое имущество, которым сам имею право распоряжаться, переписал на нее. К тому же она — наполовину француженка... Понимает, что к чему. Ты с ней мог бы жить своей жизнью. Она совсем не такая, как ее мать.

— Я не был знаком с ее матерью, — вставил Шилд.

— Она была глупа, как овца! — сказал Сильвестр. — Я всегда сомневался, что она моя дочь. Сбежала из дому с каким-то французишкой. Как там звали этого чертова проходимца?

— Де Вобан.

— Да, да, так его звали. Тоже мне, велика шишка — видам¹ де Вобан! Я забыл, когда он умер. Мари умерла три года назад, и я съездил в Париж... Через год, кажется, но память у меня уж не та, что прежде.

— Чуть больше чем через год, сэр.

¹ Видам — наместник епископа или аббата по юридической или военной части.

— Да, наверное. Это было после... — Тут он на миг замолчал, а потом продолжил недовольным голосом: — После той заварухи с Людовиком. Я решил, что Франция становится слишком горячей сковородкой для моих внуков, и оказался прав! Это сколько уже прошло с тех пор, как они своего короля на гильотину отправили? Больше месяца? Помяни мое слово, Тристрам, и год не закончится, как королева вслед за ним отправится. Знаешь, я даже рад, что не доживу до этого. Она была прелестной женщиной... Очаровательной! Лет двадцать назад мы носили все в ее цвете. Все было цвета волос королевы: атлас, ленты, туфли. А сейчас? — Он презрительно поморщился. — Мой племянник носит зеленый сюртук и желтые панталоны да еще чертову бочку сахара на голове! — Неожиданно его тяжелые веки приподнялись и он добавил: — Но мальчик по-прежнему мой наследник!

Сэр Тристрам ничего не ответил на это замечание, которое прозвучало почти как вызов. Сильвестр взял очередную понюшку и снова заговорил тихим, чуть насмешливым голосом.

— Он готов жениться на Эстаси, но ей он не нравится. — Движением пальца он захлопнул табакерку. — Короче говоря, я хочу, чтобы ты женился на ней, прежде чем я умру, Тристрам.

— Зачем это вам? — спросил Шилд.

— Потому что больше некому, — откровенно признался Сильвестр. — Я сам, конечно, виноват. Нужно было мне ее в Лондон отвезти. Но я стар и всегда думал только о себе. За последние три года я в Лондон выбирался всего-то два раза. Но сейчас уже слишком поздно об этом говорить. Я умираю, но, будь я проклят, девочка — моя внучка! Я хочу, чтобы после моей смерти она была устроена. Да и тебе пришла пора задуматься о женитьбе.

— Я уже думал об этом.

Сильвестр бросил на него быстрый взгляд.

— Надеюсь, ты не влюблен?

Лицо Шилда напряглось.

— Нет.